

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	7
Глава I	
ПУТЕШЕСТВЕННИКИ XVII — НАЧАЛА XX в. В МОНГОЛИИ И ИХ ЗАПИСКИ	17
Глава II	
ПУТЕШЕСТВЕННИКИ О ГОСУДАРСТВЕ И ПРАВЕ МОНГОЛЬСКИХ ХАНСТВ XVII в.	39
Глава III	
ПУТЕШЕСТВЕННИКИ О ГОСУДАРСТВЕ И ПРАВЕ ДЖУНГАРСКОГО ХАНСТВА XVII—XVIII вв.	54
Глава IV	
ПУТЕШЕСТВЕННИКИ О ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И ПРАВЕ СЕВЕРНОЙ МОНГОЛИИ (ХАЛХИ) ПОД ВЛАСТЬЮ ИМПЕРИИ ЦИН (XVIII — НАЧАЛО XX в.)	80
§ 1. Система власти и управления.....	81
§ 2. Правовой статус монгольской буддийской церкви и духовенства	93
§ 3. Налоги, сборы и повинности	102
§ 4. Правовое регулирование экономических отношений.....	120
§ 5. Семейные и наследственные правоотношения.....	135
§ 6. Преступления и наказания.....	144
§ 7. Суд и процесс	152
Глава V	
ПУТЕШЕСТВЕННИКИ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ГОСУДАРСТВЕННОГО И ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ЮЖНОЙ (ВНУТРЕННЕЙ) МОНГОЛИИ.....	159
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	182

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	187
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА.....	188
ПРИЛОЖЕНИЯ	217
Приложение I	
ХРОНОЛОГИЯ ПУТЕШЕСТВИЙ В МОНГОЛИЮ.....	218
Приложение II	
КТО ЕСТЬ КТО (биобиблиографический справочник).....	229
Приложение III	
ГЛОССАРИЙ.....	330

Монгольское право интересно, прежде всего, само по себе, как проявление правового творчества народа, оставившего заметный след в истории народов двух частей света — Азии и Европы. Кроме того, монгольское право интересно также и как материал для социологического и сравнительно-правового изучения.

В.А. Рязановский

ВВЕДЕНИЕ

Научный интерес к Монголии возник в России еще в первой половине XVIII в. и немного позднее на Западе, причем уже самые ранние исследователи уделяли значительное внимание вопросам монгольской государственности и права. Однако изучены эти аспекты крайне неравномерно, что четко отражено, в частности, в обзорных трудах по традиционному монгольскому праву, периодически появляющихся с начала XX в. и до нашего времени¹.

Наибольшим вниманием таких исследователей пользуется эпоха Монгольской империи Чингис-хана и его преемников, а также приписываемый основателю империи «свод законов», известный под названием «Великой Ясы», который исследователи уже в течение нескольких веков безуспешно пытаются «реконструировать»². Следующий период развития монгольской государственности и права, привлекающий внимание исследователей, — период XVII–XVIII вв., и это напрямую связано с тем, что именно к нему относятся крупные монгольские кодификации, созданные в это время — «Восемнадцать степных законов» (конец XVI — первая треть XVII в.), ойратское «Ве-

¹ См.: *Гурлянд Я.И.* Степное законодательство с древнейших времен по XVII столетие. Казань: Типо-литография Императорского ун-та, 1904; *Рязановский В.А.* Монгольское право, преимущественно обычное. Харбин: Типография Н.Е. Чинарева, 1931; *Ванчикова Ц.П.* Монгольские правовые памятники и история их изучения // Мункуевские чтения-2: Материалы междунар. науч.-практич. конф. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2004. Ч. 1. С. 23–36; *Дудин П.Н.* Генезис монгольского права и его взаимодействие с китайским правом (XIII — начало XX в.) // Право. Журн. Высшей школы экономики. 2016. № 1. С. 21–36; *Дугарова С.Ж.* Историография монгольского государства и права (XIII — начало XIX в.). Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2016.

² В специальной работе нам уже приходилось обращать внимание на то, что ни один средневековый исторический источник не дает оснований считать Великую Ясу именно монгольской имперской кодификацией, позволяя, скорее, говорить о ней как о некоей совокупности норм различного происхождения, обеспечивавших функционирование имперских институтов и поддержание правопорядка в Монгольской империи, см.: *Pochekaev R. Yu.* Chinggis Khan's Great Yasa in the Mongol Empire and Chinggisid States of the 13th–14th Centuries: Legal Code or an Ideal “Law and Order” // *The Golden Horde Review*. 2016. Vol. 4. No. 4. P. 724–733.

ликое уложение» («Их Цааз», 1640 г.), «Свод законов Халхи» («Халха Джирум», 1709–1770 гг.) и примыкающее к ним «Монгольское уложение» («Цааджин бичиг, 1627–1694 гг.), созданное маньчжурскими властями для своих монгольских вассалов³. Именно на их основе большинство специалистов, обращающихся к проблемам развития монгольской традиционной государственности и права, формируют представление о монгольской системе власти и управления, нормах и принципах регулирования различных сфер правоотношений, монгольской правовой терминологии⁴.

В значительно меньшей степени оказались востребованы для исследователей другие правовые памятники Монголии постимперского периода, также уже введенные в оборот — «Уложение» Алтанхана, правителя южно-монгольской области Тумэт, 1577 г. и «Закон о десяти добродетелях», созданный тогда же внучатым племянником этого хана — Хутуктай-Сэчен-хунтайджи, правителем Ордоса, а также приписываемый последнему религиозно-политико-право-

³ Восемнадцать степных законов: Памятник монгольского права XVI–XVII вв. / пер. с монг., коммент. и исслед. А.Д. Насилова. СПб.: Петербургское востоковедение, 2002; Их Цааз («Великое уложение»): Памятник монгольского феодального права XVII в. / пер., введ. и коммент. С.Д. Дылыкова М., 1981; Халха Джирум: Памятник монгольского феодального права XVIII в. / пер. Ц. Жамцарано, ред., введ. и примеч. С.Д. Дылыкова. М.: Наука, 1965; Цааджин бичиг. Цинское законодательство для монголов 1627–1694 / пер., введ. и коммент. С.Д. Дылыкова. М.: Наука, 1998.

⁴ См., напр.: *Леонтович Ф.И.* К истории права русских инородцев: Древний монголо-калмыцкий или ойратский устав взысканий (Цааджин-Бичик). Одесса: Типография Г. Ульриха, 1879; *Голстунский К.Ф.* Монголо-ойратские законы 1640 года, дополнительные указы Галдан-хунтайджи и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-даши. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1880; *Насилов А.Д.* Административное и военное право монголов в XVII веке // Владимирцовские чтения. Тезисы докладов и сообщений. II Всесоюзная конференция монголоведов. М.: Наука, 1989. С. 34–36; *Он же.* Процессуальное право монголов в XVII в. // История и культура народов Центральной Азии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1993. С. 25–40; *Люрбеов Г.Ц.* Памятник монгольского права XVIII в. «Халха Джирум». Лексика. Грамматика. Транслитерация текста. М.; Калуга: Эйдос, 2012; *Кадырбаев А.Ш.* Памятники степного права «Жеты-Жаргы», «Их Цааз», «Цааджин Бичик» и культурные взаимосвязи ойратов, калмыков и халхасцев с казахами в эпоху Цин // *Mongolica-XVII*. 2016. С. 30–34; *Butler W.E.* The Mongolian Legal System: Contemporary Legislation and Documentation. Hague: Martinus Nijhoff Publishers, 1982. P. 5–34.

вой трактат «Белая история»⁵. Издан во Внутренней Монголии (автономный район в составе КНР) на старомонгольском языке, но до сих пор, насколько нам известно, не исследован ойратский «Свод законов чуулгана (сейма) Куку-Нора»⁶. Наконец, на сегодняшний день недостаточно подробно исследовано и «Уложение Китайской палаты внешних сношений» («Лифаньюань цзи-ли»), созданное между 1770-ми и 1810-ми годами маньчжурскими властями специально для регулирования их отношений с монгольскими вассалами и дважды переведившееся на русский язык в первой трети XIX в. Н.Я. Бичуриным (о. Иакинфом) и С.В. Липовцевым, опубликовавшими свои переводы практически одновременно — но по редакциям соответственно 1779 и 1815 гг.⁷

Тем не менее основная тенденция изучения монгольской государственности и права на сегодняшний день состоит в том, что развитие государственных и правовых отношений в Монголии исследуется преимущественно на основе законодательных сводов. Лишь отдельные ученые предпринимают попытки изучения актов текущего законодательства и правоприменительной практики, что позволяет им выявить особенности судебной практики⁸, в том числе с учетом

⁵ См. подробнее: *Почекаев Р.Ю.* Уложение Алтан-хана — монгольский правовой памятник второй половины XVI века // Правоведение. 2011. № 1. С. 119–139; *Он же.* Закон Хутуктай-Сэчена и особенности развития монгольского права на рубеже XVI–XVII вв. // Правоведение. 2013. № 1. С. 204–224; *Он же.* Политико-правовые взгляды Хутуктай-Сэчен-хунтайджи (По данным «Белой истории») // Культурное наследие монголов: коллекции рукописей и архивных документов: сб. докладов III междунар. науч. конф. (20–22 апреля 2017 г., Санкт-Петербург). СПб.: Улан-Батор: Б.и., 2019. С. 107–120.

⁶ *Tsengel H.* Kökebayur-un čiyülyan-u čaγaja-yin bičig [The legal Code of Kokenuur League]. Beijing, 2009.

⁷ Записки о Монголии, сочиненные монахом Иакинфом. Т. II. СПб.: Типография К. Крайя, 1828. С. 203–339; *Липовец С.* Уложение Китайской палаты внешних сношений. Т. 1–2. СПб.: Б.и., 1828. Пожалуй, можно назвать лишь одно современное фундаментальное исследование этого памятника: *Legrand J.* L'Administration dans la domination Sino-Mandchoue en Mongolie Qalq-a. Version mongole du Lifan Yuan Zeli. Paris: Collège de France, 2018.

⁸ *Носов Д.А., Почекаев Р.Ю.* Рукопись Ц.Ж. Жамцарано из фонда ИВР РАН «Отрывок о том, как вести тяжбу» — источник по истории монгольского права // Б.Я. Владимирцов — выдающийся монголовед XX века: сб. статей. Материалы российско-монгольской науч. конф. (6–8 октября 2014 г., Санкт-Петербург). СПб.; Улан-Батор: Б.и., 2015. С. 146–153; *Они же.* Выписки из законоуложений

влияния цинской правовой и процессуальной традиции⁹, а также разрешения конкретных дел¹⁰, правовой политики империи Цин в Северной и Южной Монголии¹¹. В отдельных случаях вводятся в оборот также памятники народного творчества, отражающие представления монголов о справедливости, праве и процессе¹².

как отражение правового развития Монголии XIX — начала XX вв. (По материалам рукописной коллекции ИВР РАН) // Культурное наследие монголов: коллекции рукописей и архивных документов. Материалы II Междунар. науч. конф. (21–22 апреля 2015 г., Улан-Батор). СПб.; Улан-Батор: Б.и., 2017. С. 147–153.

⁹ *Heuschert D.* Legal Pluralism in the Qing Empire: Manchu Legislation for the Mongols // *The International History Review*. 1998. Vol. 20. No. 2. Jun. P. 310–324; *Heuschert-Laage D.* State Authority Contested along Jurisdictional Boundaries. Qing Legal Policy towards the Mongols in the 17th and 18th Centuries // *Max Planck Institute for Social Anthropology Working Papers*. No. 138. Halle, 2012; *Constant F.* Le gouvernement de la Mongolie sous les Qing: du contrôle sur les hommes à l'administration des territoires // *Bulletin de l'École française d'Extrême-Orient*. T. 97–98. 2010. P. 55–89; *Eadem.* Le droit mongol dans l'État sino-mandchou (1644–1911). Entre autonomie et assimilation. Paris: Collège de France, 2018; *Idem.* The Legal Administration of Qing Mongolia // *Late Imperial China*. 2019. Vol. 40. No. 1. P. 133–173. Halle, 2012.

¹⁰ *Bawden Ch.R.* A Case of Murder in Eighteenth-Century Mongolia // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. 1969. Vol. 32. No. 1. P. 71–90; *Idem.* The Investigation of a Case of Attempted Murder in Eighteenth-Century Mongolia // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. 1969. Vol. 32. No. 3. P. 571–592.

¹¹ *Понов А.В.* Проблема собственности манчжурских властей на земли казенных пашен в Халха-Монголии в XVIII–XIX вв. // *ИИИССАА*. 1992. Вып. XIV. С. 168–181; *Он же.* Принципы организации цинского податного механизма в Северной Монголии в XVIII–XIX вв. // *ИИИССАА*. 1995. Вып. XV. С. 124–141; *Он же.* О принципах демографической статистики в Северной Монголии (XVIII–XIX вв.) // XX науч. конф. по историографии и источниковедению истории стран Азии и Африки (6–7 апреля 1999 г., Санкт-Петербург). СПб.: СПбГУ, 2000. С. 121–125; *Он же.* Цинское законодательство XVIII–XIX вв. о разграничении земель северомонгольских аймаков и хошунов // *Вестник СПбГУ*. Сер. 13. 2016. № 3. С. 68–85; *Он же.* Северомонгольские князья и цинские налоги (XVIII — первая половина XIX в.) // *Вестник СПбГУ*. Востоковедение и африканистика. 2018. Т. 10. Вып. 4. С. 436–466; *Erdenchuluu Kh.* The Study of Mongolian Legal History: New Approaches on the Basis of Local Documents // *Культурное наследие монголов: рукописные и архивные собрания Санкт-Петербурга и Улан-Батора*. Материалы междунар. конф. (19–20 апреля 2013 г., Санкт-Петербург). СПб.; Улан-Батор: Б.и., 2014. С. 40–53.

¹² *Носов Д.А.* Рукопись монгольской сказки «О старике Боронтае» из собрания ИВР РАН / предисл., транскр., пер. с монг., примеч. // *Письменные памятники Востока*. 2015. № 1 (22). С. 5–11.

Подобного рода исследования, как представляется, позволяют сформировать куда более полную и объективную картину истории развития традиционной монгольской государственности и права, чем только на основе официальных правовых сводов. Той же цели может послужить привлечение записок иностранных путешественников, которые в разные временные периоды и с разными намерениями посетили Монголию и зафиксировали применение на практике тех или иных политических и правовых принципов и норм, нередко являясь непосредственными участниками административных и правовых отношений.

Как ни странно, но исследователи по истории традиционного монгольского государства и права до сих пор практически не привлекали этот вид источников, хотя они довольно многочисленны¹³. В самом деле, Монголию в течение веков посетили сотни путешественников — русские, англичане, французы, немцы, скандинавы, американцы, многие из которых оставили записки. А широкий круг целей, с которыми они ездили в Монголию (дипломатия, торговля, разведка, духовные миссии, туризм¹⁴) вызывал интерес иностранцев к самым разным сторонам жизни. Невнимание специалистов к этим источникам представляется тем более странным, что история путешествий в Монголию нашла широкое освещение в трудах специалистов. Эти путешествия составляют отдельное направление в общей истории географических открытий¹⁵. Имеются специальные работы,

¹³ Лишь при изучении Монгольской империи привлекались записки европейских и восточных путешественников (Иоанн де Плано Карпини, Вильгельм де Рубрук, Марко Поло, Ибн Баттута и др.) — и то как источник для реконструкции вышеупомянутой Великой Ясы Чингис-хана, поскольку ее содержание не сохранилось на монгольском языке ни в одном источнике.

¹⁴ О многообразии значений термина «путешествие» в современной науке см. подробнее: *Головнев А.В.* Антропология путешествия: от *imago mundi* до *selfie* // Уральский исторический вестник. 2016. № 2 (51). С. 7.

¹⁵ *Бейкер Дж.* История географических открытий и исследований / предисл. И.П. Магидовича. М.: Изд-во иностранной литературы, 1950; *Магидович И.П., Магидович В.И.* Очерки по истории географических открытий. Т. II: Великие географические открытия (XV — середина XVII в.). Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: Просвещение, 1983; *Там же.* Т. III: Географические открытия и исследования нового времени (середина XVII — XVIII в.). Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: Просвещение, 1984.

посвященные экспедициям в Монголию и пребыванию в ней русских дипломатов, торговцев, ученых и проч.¹⁶ Также довольно многочисленны публикации, посвященные отдельным путешественникам¹⁷.

В какой-то мере настоящая книга имеет целью заполнить этот пробел и ввести в научный оборот записки иностранных путешественников как источник сведений о традиционной государственности и праве монголов. Хронологические рамки исследования охватывают период с XVII в., когда после нескольких веков перерыва (связанного с падением Монгольской империи) в Монголии вновь стали появляться иностранные путешественники, и до начала XX в., когда завершилась зависимость Монголии от империи Цин.

Книга является логическим продолжением монографии, посвященной анализу сведений о государственности и праве Центральной Азии в записках российских и западных путешественников XVIII — начала XX в.¹⁸ Логическим и, можно сказать, необходимым, поскольку Монголия относится к числу наиболее важных в историческом и политическом отношении стран Центрально-Азиатского региона, и анализ ее государственности и права на основе записок путешественников позволяет существенно расширить представления о политическом и правовом развитии Центральной Азии в целом.

Соответственно, во многом данное исследование строится аналогично предыдущей книге: используется та же совокупность методов исследования (преимущественно, критический анализ текстов, сравнительно-правовой метод и системный подход), предлагается анализ

¹⁶ См., напр.: *Шастина Н.П.* Русско-монгольские посольские отношения XVII в. М.: Изд-во восточной литературы, 1958; *Чимитдоржиева Л.Ш.* Русские посольства к монгольским Алтан-ханам. 1608–1681 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2003; *Единархова Н.Е.* Русские в Монголии: основные направления и формы экономической деятельности (1861–1921 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. Владивосток, 2006; *Российские экспедиции в Центральную Азию: Организация, полевые исследования, коллекции. 1870–1920-е гг.* / отв. ред. А.И. Андреев. СПб.: Нестор-История, 2013; *Слесарчук Г.И.* Статьи разных лет. Улан-Батор: Б.и., 2013; *Сизова А.А.* Консульская служба России в Монголии (1861–1917). М.: ИВ РАН, 2015; *Юсупова Т.И.* Советско-монгольское научное сотрудничество: становление, развитие и основные результаты (1921–1961). СПб.: Нестор-История, 2018.

¹⁷ См. подробнее: Приложение 2.

¹⁸ *Почекаев Р.Ю.* Государство и право в Центральной Азии глазами российских и западных путешественников XVIII — начала XX в. М.: Изд. дом ВШЭ, 2019.

традиционных административных и правовых институтов, в конце содержатся приложения — хронология путешествий и биобиблиографический справочник.

Глава I посвящена общей характеристике личностей путешественников и их записок, в ней анализируется и систематизируется их состав по национальной и профессиональной принадлежности, по целям и задачам поездок в Монголию, характеру их сочинений. Такая информация в сочетании с информацией о конкретных путешественниках, приведенной в прилагаемом биобиблиографическом справочнике, позволяет понять, чьи сведения заслуживают большего внимания, а чьи следует воспринимать более критично, поскольку нельзя забывать о выраженной в путевых записках субъективности восприятия иностранцем чужой (и зачастую чуждой) ему цивилизации и культуры, неизбежности сравнения им увиденного за границей с собственной страной¹⁹. Причем порой эта субъективность может быть «двойной»: исходя из особенностей личного восприятия и принадлежности к определенной нации, социальной или профессиональной группе и проч.

Главным отличием этой книги является принцип изложения основного материала: если в первой книге оно строилось по территориальному принципу и анализировались государственность и право отдельных стран и регионов Центральной Азии, то теперь предлагается анализ преимущественно по хронологическому принципу — на основе выделения ряда этапов в истории Монголии XVII — начала XX в. Автор считает такой подход оправданным, поскольку каждый из этих этапов характеризуется определенной спецификой развития монгольской государственности и права.

Глава II представляет собой анализ записок путешественников как источника о государственности и праве Северной Монголии (Халхи) XVII в., когда ее правители еще сохраняли независимость и продолжали применять традиционные институты управления и правового регулирования (многие из которых существовали еще со времени империи Чингис-хана). В то же время кризис в системе властных и правовых отношений делал их владения уязвимыми для экспансии

¹⁹ См., напр.: *Набилкина Л.Н., Кубанев Н.А.* Травелог — лингвокультурологическая основа образа города и государства // Приволжский научный вестник. 2013. № 8 (24). Т. 2. С. 128.

могущественных соседей — Московского царства, империи Цин, Джунгарского ханства.

Глава III посвящена сведениям путешественников о государственности и праве Джунгарского ханства — ойратского государства в Западной Монголии, существовавшего в середине XVII — середине XVIII в. Спецификой Джунгарии было то, что в первой половине XVIII в. оно занимало исключительное положение на международной центральноазиатской арене. В то время, когда соседние монгольские ханства переживали серьезный политический кризис и все больше попадали под власть империи Цин, Джунгария не только сохранила независимость, но и сама предпринимала попытки распространения сюзеренитета на соседние владения — причем не только на ханства Халхи, населенные такими же монголами-буддистами, но и на тюркско-мусульманские регионы: Ташкентское владение, Восточный Туркестан, казахские Старший и Средний жузы. Исследователи неслучайно говорят о Джунгарском ханстве как о последней «степной империи», которая сумела объединить под своей властью народы и регионы с разной этнической принадлежностью, языком, религией, хозяйственным укладом и распространить на них единые принципы управления. При этом, во многом опираясь на опыт прежних «степных империй» (в том числе и Монгольской империи), правители Джунгарии в 1710–1740-е годы предпринимали серьезные шаги по модернизации государства и общества, выстраивая дипломатические контакты с соседними государствами, вырабатывая новые принципы власти, управления и правового регулирования, развивая сельское хозяйство, ремесло и даже промышленность. Записки путешественников о политико-правовых реалиях Джунгарии первой половины XVIII в. позволяют представить весьма впечатляющие перспективы дальнейшего развития этого государства, прерванные довольно неожиданным династическим кризисом начала 1750-х годов, которым воспользовалась империя Цин, в конце того же десятилетия разгромившая и упразднившая Джунгарское ханство.

В главе IV дается характеристика записок путешественников о государственности и праве Северной Монголии в XVIII — начале XX в., т.е. в период ее пребывания в зависимости от империи Цин, причем статус монгольских правителей в течение этого периода постоянно менялся — от вассалитета с весьма широкой степенью автономии в XVIII — первой половине XIX в. до фактического подданства

в конце XIX — начале XX в. Длительность этого периода, охватывающего более двух столетий, а также тот факт, что именно в это время Монголию посетило наибольшее число российских и западных путешественников, обусловил проведение анализа их записок по отдельным сферам государственных и правовых отношений: органы власти и управления, статус правителей и духовенства, налоговая система, правовое регулирование хозяйственной деятельности, семейные и наследственные правоотношения, преступления и наказания, суд и процесс. Каждая из них рассмотрена подробно и с учетом изменений соответствующих государственных и правовых институтов на различных этапах пребывания Северной Монголии под властью маньчжурских императоров.

Глава V посвящена отраженным в записках путешественников особенностям развития государственности и права Южной Монголии (современная Внутренняя Монголия — автономный район в составе КНР), которая гораздо раньше (в 1630-е годы) признала власть империи Цин и, соответственно, подверглась большей интеграции в имперское политико-правовое и социально-экономическое пространство. Особенности правового статуса этого региона, а также сравнительно малая степень изученности его государственности и права в Цинский период побудили автора в данном случае отойти от хронологического принципа и посвятить ему отдельную главу.

В заключении подводятся общие итоги исследования и оценивается значение проанализированных исторических памятников как источников сведений о традиционной государственности и праве Монголии XVII — начала XX в.

Полагаем, такое сочетание хронологического и географического принципов построения материала книги позволит понять, что Монголия на каждом этапе рассматривалась как некое единое в политическом и правовом отношении пространство. Особенности политико-правового развития различных регионов Монголии проявлялись еще в XVI в., и в дальнейшем стали настолько значительны, что являлись очевидными и для иностранных путешественников даже при том, что большинство из них не были специалистами по изучению государства и права. Так, Южная Монголия (Чахар, Тумэт, Ордос) испытала более значительное влияние тибетского буддизма и раньше попала под власть империи Цин, соответственно, в ней в гораздо большей степени были распространены маньчжурские принципы управления,

источники права и принципы регулирования отношений не только в публично-правовой (налоги, система преступлений и наказаний), но и в частноправовой сфере (торговые и иные обязательственные отношения). Северная Монголия (Халха), подчинившаяся Цинской империи позднее, в течение длительного времени сохраняла автономию, а соответственно, и традиционные институты управления, источники права и проч. Джунгарское же ханство в Западной Монголии демонстрировало тенденцию к централизации власти и постепенному расширению своего сюзеренитета на соседние государства, народы и регионы. Таким образом, в результате проведенного исследования начинает формироваться своеобразная «правовая карта» Монголии изучаемого периода, которая может оказаться небесполезной как для дальнейшего изучения традиционной монгольской государственности и права, так и, возможно, при выстраивании отношений в самых разных сферах с монгольскими контрагентами из разных исторических областей Монголии.

Написание имен собственных, географических названий и специальных политических и правовых терминов в книге приводится в соответствии с современной монголоведной традицией, исключения составляет лишь их написание в приводимых цитатах.

При проведении исследования автор неоднократно прибегал к консультациям специалистов-монголоведов, а также имел возможность представить промежуточные исследовательские результаты на специализированных научных мероприятиях в России и за рубежом. Таким образом, книга не появилась бы без их поддержки, и автор считает своим приятным долгом выразить благодарность И.В. Богданову, И.В. Кульганек, Д.А. Носову, Т.А. Пан, А.В. Попову, П.О. Рыкину, Т.Д. Скрынниковой (Санкт-Петербург), П.Н. Дудину (Улан-Удэ), В.В. Кукановой (Элиста), К.З. Ускенбау (Алматы, Казахстан), Х. Эрдэнчулуу (Киото, Япония), а также Издательскому дому Высшей школы экономики в лице Е.А. Ивановой, Е.А. Бережновой и В.Е. Красавцевой — за постоянное сотрудничество и, как всегда, моей семье: жене Ирине, сыновьям Михаилу и Даниилу за их терпение и моральную поддержку.

*Санкт-Петербург,
июль 2020*

Глава I

ПУТЕШЕСТВЕННИКИ XVII — НАЧАЛА XX в. В МОНГОЛИИ И ИХ ЗАПИСКИ

Прежде чем непосредственно приступить к анализу сведений иностранных путешественников о государственности и праве традиционной Монголии, необходимо понять, кем же были эти самые путешественники. Сразу же обратим внимание на то, что национальный состав и социальный статус путешественников весьма существенно менялся в разные периоды истории Монголии и во многом зависел от ее политического положения, равно как и от тех задач, которые преследовали сами иностранцы, прибывавшие в эту страну.

XVII в. стал временем установления и развития отношений Московского царства и монгольских ханств¹. В течение 1610–1680-х го-

¹ В исторической исследовательской литературе еще с XIX в. идет дискуссия о более ранних дипломатических миссиях русских послов в Монголию. Некоторые исследователи упоминают о пребывании русских послов в лагере монгольского хана около 1543 г. (*Банников А.Г.* Первые русские путешествия в Монголию и Северный Китай (Василий Тюменец, Иван Петлин, Федор Байков). М.: Географгиз, 1949. С. 3), однако никаких подробностей этого путешествия не сообщают. Гораздо больше внимания уделяется вопросу о вероятности первого московского посольства в Китай, участники которого, казацкие атаманы Иван Петров и Бурнаш Ялычев, якобы в 1567 г. были направлены Иваном Грозным в империю Мин, куда добрались через Монголию. Большинство исследователей, упоминая это посольство, выражают сомнения в его достоверности, см.: *Покровский Ф.И.* Путешествие в Монголию и Китай сибирского казака Ивана Петлина в 1618 г. (Мнимое путешествие атаманов Ивана Петрова и Бурнаша Ялычева в 1567 г.). СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1914; *Мясников В.С.* Новые документы о поездке в Китай Ивана Петлина // Советское китаеведение. 1958. № 1. С. 146–148; *Филюшкин А.И.* Дойти до Поднебесной: первые русские в Китае // Родина. 2004. № 10. С. 8–12. Да и сообщение о путешествии, якобы составленное самими атаманами (или по их рассказам), больше производит впечатление художественного произведения, нежели реального отчета о дипломатической миссии, см.: Путешествие казачьих атаманов Ивана Петрова и Бурнаша Елычева в Китай в 1567 году // Ска-

дов значительное число русских дипломатов посетили государства Восточной Монголии (улусы Тушету-хана, Сэчен-хана), а также ойратские владения в Западной Монголии, в том числе Джунгарское ханство². Результаты этих поездок нашли отражение в десятках статейных списков посольств, расспросных речах участников дипломатических миссий и ряде других документов, составленных на основе полученных дипломатами данных³. Кроме того, сведения о Монголии рассматриваемого периода оставили также московские дипломаты, отправленные в Китай с целью установить отношения сначала с династией Мин (И. Петлин), затем — с маньчжурской династией Цин (Ф.И. Байков), путь которых тоже пролегал через монгольские ханства.

Сразу следует обратить внимание на то, что русские дипломаты, побывавшие в Монголии на начальном этапе взаимодействия Московского царства с местными правителями, обладали не слишком высоким статусом и достаточной подготовкой. Соответственно, сведения о государственности и праве монгольских ханств, которые они посещали (или через которые проезжали в Китай), носят достаточно лапидарный характер. Большинство московских дипломатов, посетивших Монголию в этот период, принадлежали к сословию провинциальных служилых людей — детей боярских, дворян, казачьих атаманов и т.д., родом из Красноярска, Тары, Тобольска, Томска и проч. Зачастую они выполняли разовые дипломатические поручения, выступая больше в качестве гонцов или курьеров, передававших послания центральных или региональных русских властей монгольским правителям, а не обсуждали серьезные международные политические и правовые вопросы. Лишь некоторые из них представляли собой исключение, будучи более образованными людьми, имевшими зна-

зания русского народа, собранные И. Сахаровым. СПб.: Б.и., 1849. Т. II. Кн. VIII. С. 178–186.

² В рамках настоящей работы не рассматриваются первые поездки московских дипломатов к ойратам, переселившимся в Московские владения в самом начале XVII в., т.е. калмыков, см. подробнее: *Чимитдоржиев Ш.Б.* Россия и Монголия. М.: Наука, 1987. С. 24–25.

³ *Гольман М.И.* Русские архивные документы по истории Монголии в XVII в. // Архивные материалы о монгольских и тюркских народах в академических собраниях России. Доклады науч. конф. / сост. И.В. Кульганек; отв. ред. С.Г. Кляшторный. СПб.: Петербургское востоковедение, 2000. С. 96.

чительный опыт государственной службы, — например, Д.Д. Аршинский, Я.О. Тухачевский или Ф.И. Байков. Естественно, таким служащим поручались более ответственные дипломатические задания, что находило отражение и в их записках.

Впрочем, справедливости ради нельзя не сказать, что перед «региональными» русскими дипломатами, совершавшими путешествия в Монголию, и не ставились серьезные стратегические задачи и, следовательно, направлявшие их власти сами не нуждались в знаниях о монгольских государственных и правовых реалиях. Исследователи уже обращали внимание на то, что сибирские администраторы (от которых чаще всего и ездили посланцы к монгольским правителям в XVII в.) не следовали какой-то единой государственной политике, а старались оперативно решать возникающие перед ними текущие проблемы⁴. Поэтому вести серьезную исследовательскую деятельность в отношении соседних народов и государств у них не было ни возможности, ни необходимости. Большинство информации политического или правового характера в записках московских дипломатов XVII в. связано с их личными наблюдениями, действиями, отношением к ним со стороны самих монгольских правителей, чиновников, населения. Наиболее характерным примером являются сведения о налогах и повинностях: о них русские путешественники XVII в. упоминают, как правило, в связи с качеством дорог, по которым они сами передвигались; наличием или отсутствием разбойников на этих дорогах (и отношении к их преступным действиям в адрес русских дипломатов со стороны властей); предоставлением или непредоставлением им провианта, лошадей и проч.⁵

⁴ См.: *Александров В.А.* Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). М.: Наука, 1969. С. 45–46. Это, впрочем, касалось даже внутренней политики Московского царства — в частности, применительно к Сибири, освоение которой началось в этот период, см., напр.: *Слугина В.А.* Правовое оформление российского подданства сибирских народов в XVI–XVII вв.: шертовальные записи и процедура шертования: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2017. С. 15–16.

⁵ Это вовсе не означает, что русские дипломаты не отличались наблюдательностью и в своих записках сосредоточивались исключительно на описании выполнения ими собственных поручений и связанных с ним злоключений. Например, известно, что знаменитый сибирский географ и историк С.У. Ремезов в своей работе «О калмыках» (т.е. ойратах Джунгарского ханства) опирался на записки своего деда Моисея (Меньшого) Ремезова, ездившего с дипломатическим поруче-

Тем не менее мы не вправе игнорировать сведения российских путешественников XVII в. — даже такие краткие и, в общем-то, субъективные. Их систематизация позволяет сформировать определенное представление о политико-правовом развитии монгольских ханств, их внутреннем и международно-правовом состоянии. Тот факт, что сведения путешественников неоднократно дублируются в сообщениях разных авторов, подтверждает их объективность и свидетельствует о непосредственном знакомстве сибирских служилых людей с монгольскими властными и правовыми реалиями рассматриваемого периода.

Первые попытки путешественников описать политико-правовые реалии Монголии без прямой привязки к собственным интересам были предприняты, как ни странно, московскими дипломатами, направлявшимися с поручениями в империю Цин в последней четверти XVII в., когда Южная Монголия уже вошла в состав этого государства, а Северная — сначала *de facto*, а в 1690-х годах и *de jure* — стала вассалом маньчжурских императоров. Именно в процессе переговоров с представителями империи Цин они получали информацию о текущем статусе монголов как вассалов императора, их обязанностях перед сюзереном, пределах полномочий внутри собственных владений и в отношениях с иностранными государствами. Правовые аспекты отношений среди самих монголов этих дипломатов, что вполне понятно, также не интересовали.

Обратим внимание, что среди руководителей и сотрудников таких посольств были не только русские (Ф. Байков, Ф.А. Головин), но и иностранцы на русской службе — молдаванин Н.Г. Спафарий, голландец Э. Идес и немец А. Бранд, выходец из Средней Азии С. Аблин и др., в связи с чем возникает вопрос, в какой степени эти последние могут быть охарактеризованы как русские путешественники. Полагаем, что факт их пребывания на русской службе в период посещения Монголии позволяет считать их таковыми⁶.

ние к джунгарскому хунтайджи в 1640 г., см.: *Гольденберг Л.А.* Статья С.У. Ремезова «О калмыках как весьма известном в Сибири народе» // СНВ. 1976. Вып. XVIII. С. 228.

⁶ Единственное исключение из перечисленных иностранцев — уроженец Голштинии Адам Бранд, который покинул Россию сразу после возвращения из поездки в Монголию и Китай (1696) и свои записки об этом путешествии опубликовал уже в Европе.

В XVIII в. ситуация в русско-монгольских отношениях существенно меняется — как в отношении состава путешественников, так и целей и задач, которые перед ними ставились. Это непосредственно отразилось и на содержании их сообщений о монгольской государственности и праве.

Продолжались контакты Московского царства (с 1721 г. Российской империи) с Цинской империей, которая в это время старалась закрепить свой контроль над южными и северными монголами и одновременно урегулировать статус границ с Россией⁷. Соответственно, непосредственные дипломатические связи России с монгольскими правителями прервались: дипломаты взаимодействовали с ними лишь как с представителями цинской администрации, когда проезжали через территорию Монголии. В то же время, в связи с расширением восточных владений Российской империи (укрепление позиций в Сибири и на Алтае, принятие в подданство казахских жузов), российские власти стали активно налаживать контакты с Джунгарским ханством, которое противостояло экспансии империи Цин в Монголии⁸. При этом нельзя не отметить, что несмотря на то, что ойратские правители претендовали на некоторые территории, юридически находившиеся под властью России, в течение первой

⁷ См., напр.: *Красникова О.А.* Установление российско-китайской границы в XVII—XVIII в. и карта Китая, присланная Петру I императором Кан-си (Kangxi) (по картографическим фондам БАН и СПб филиала Архива РАН) // *Россия и Китай: научные и культурные связи* (по материалам архивных, рукописных, книжных и музейных фондов). СПб.: БАН; Альфарет, 2012. Вып. 2. С. 119—128.

⁸ См.: *Магидович И.П., Магидович В.И.* Очерки по истории географических открытий. Т. III. М.: Просвещение, 1983. С. 138—142; *Контев А.В.* Формирование российско-джунгарской границы в первой трети XVIII в. // *Сибирский сборник — 3. Народы Евразии в составе двух империй: Российской и Монгольской* / отв. ред. П.О. Рыкин. СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 99—111. При этом, начиная уже с эпохи Петра I, уделялось значительное внимание не только дипломатическим контактам, но и научному изучению территорий, подконтрольных Джунгарии, см.: *Акишин М.О.* Джунгарское ханство во внешней политике Петра Великого // *Paleobureaucratia: сб. статей к 90-летию Н.Ф. Демидовой*. М.: Древлехранилище, 2012. С. 6—28; *Бейкер Дж.* История географических открытий и исследований. М.: Изд-во иностранной литературы, 1950. С. 234—237; *Задваев Б.С.* Западная Монголия в трудах российских исследователей и путешественников XVIII — начала XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006. С. 12—13.

половины XVIII в. они старались поддерживать с ней дружеские отношения⁹.

И Цин, и Джунгария были заинтересованы в поддержке России в своем конфликте (или по меньшей мере невмешательстве), что стимулировало активизацию их дипломатических отношений с российскими властями разных уровней. Русские дипломаты в таких условиях уже занимались не только передачей посланий от направивших их монархов или региональных администраторов, но и собирали сведения о ситуации в тех землях, куда направлялись, и через которые проезжали. Выбор в качестве дипломатов хорошо образованных людей¹⁰ объясняет, почему даже в отчетах не только полномочных послов, но и простых курьеров (В.Ф. Братишев, сержанты Д. Ильин, Подзоров, Е. Филимонов и др.), присутствуют весьма ценные наблюдения о политической ситуации в Джунгарском ханстве, Северной и Южной Монголии, отдельных аспектах правовой политики ойратских правителей в Джунгарии и Восточном Туркестане, а маньчжурских — в Северной и Южной Монголии. Наряду с дипломатами, занимавшимися сбором сведений о посещенных государствах неформально, в монгольские земли направлялись и разведчики «под прикрытием»: занимавшиеся торговлей — И.К. Резвых, А. Верхотуров, С. Колмогоров, А. Плотников, пограничные чиновники А. Незнаев, Е.Я. Пестерев и др.

В то же время XVIII в. стал временем начала научного изучения восточных владений Российской империи и соседних государств. Соответственно, одной группой путешественников в Монголию становятся профессиональные исследователи — ученые, большей частью приглашенные Петербургской Академией наук из Европы¹¹. Учитывая, что они состояли в течение долгих лет на российской службе (многие даже умерли в России) и совершали свои поездки

⁹ См. подробнее: *Кушнерик Р.А.* Русско-джунгарские дипломатические отношения: Начало XVII — 50-е годы XVIII вв.: дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2006.

¹⁰ См. также: *Козлов С.* Русские путешественники Нового времени: имперский взгляд или восприятие космополита? // *Slavic Eurasian Studies. Beyond the Empire: Images of Russia in the Eurasian Cultural Context* / ed. by T. Mochizuki. 2007. No. 17. P. 133–148.

¹¹ См. подробнее: *Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках. Хронологические обзоры и описание архивных материалов* / сост. В.Ф. Гнучева. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. С. 25–30, 95–100, 106–108.

в монгольские земли по поручению и при финансировании Академии наук, полагаем, есть все основания их также отнести к русским путешественникам¹². Весьма любопытно, что некоторые из тех академиков, кто побывал непосредственно на территории Монголии и впоследствии признанные в качестве монголоведов (как, например, Д.Г. Мессершмидт¹³ или И. Иериг¹⁴) в своих записках практически ничего не упомянули о политико-правовых реалиях монголов, между тем в материалах тех из них, кто добрался только до русско-монгольской границы, в частности, посетив пограничный город Кяхту¹⁵

¹² То же можно сказать и об участниках посольства С.Л. Рагузинского — урожденном немце Г.И. Унферцатге и шведе Л. Ланге. Впрочем, этническая принадлежность вышеупомянутых ученых до сих пор вызывает споры о том, считать ли их российскими или немецкими востоковедами. Традиция рассматривать этих ученых как западноевропейских путешественников сложилась еще в советский период, см., напр.: *Гирченко В.* Русские и иностранные путешественники XVII, XVIII и первой половины XIX веков о бурят-монголах. Улан-Удэ: Государственное Бурят-Монгольское изд-во, 1939; *Зиннер Э.П.* Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1968. И в современной историографии также присутствует мнение о том, что они стали основоположниками немецкого монголоведения, см., напр.: *Гудеева Н.М.* Новый взгляд на труды иностранных ученых в развитии этнографии Монголии XVIII—XIX вв. в современной ориенталистике России // Вестник Бурятского гос. ун-та. 2012. № 8. С. 150—155; *Гомбоев А.* Немецкое монголоведение в XIX—XXI вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2014. С. 10.

¹³ Первый исследователь Сибири Д.Г. Мессершмидт: Письма и документы. 1716—1721 / под ред. Е.Ю. Басаргиной. СПб.: Нестор-История, 2019. С. 12. См. также: *Новлянская М.Г.* Даниил Готтлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири. Л.: Наука, 1970. С. 86—90; *Тункина И.В., Савинов Д.Г.* Даниэль Готтлиб Мессершмидт: у истоков сибирской археологии. СПб.: ЭлекСис, 2017. С. 27—28, 48.

¹⁴ См.: *Шафрановская Т.К.* Монголист XVIII века Иоган Иериг // СНВ. 1965. Вып. IV. С. 155—163; *Дюльденко А.А.* Иоганн Иериг: исторический портрет представителя российской академической науки второй половины XVIII века. Ставрополь: Ставролит, 2017.

¹⁵ Не приходится удивляться, что многочисленные контакты российских дипломатов и торговцев происходили с монголами именно через Кяхту, учитывая, что на кяхтинскую торговлю в разные периоды приходилось от 40 до 60% товаров, ввозимых из России в Монголию, см.: *Единархова Н.Е.* Кяхта и кяхтинская торговля (40—60-е годы XIX в.). Иркутск: Оттиск, 2015. С. 98. Именно поэтому в число путешественников, оставивших записки со сведениями о государственности и праве Монголии, мы сочли возможным отнести довольно большую груп-

(П.С. Паллас, И.Г. Георги), содержатся сведения, касающиеся и этой сферы отношений.

В первой половине XIX в. в рамках дальнейшего развития российско-цинских отношений в Китай стали направляться многочисленные дипломатические миссии, в состав которых входили не только дипломаты, но также деятели науки и искусства. Имея в своем распоряжении наработки предшественников — вышеупомянутых академиков, — участники таких экспедиций могли себе позволить обращать внимание уже на некоторые малоисследованные аспекты отношений монголов, включая правовое положение различных слоев общества (в том числе многочисленного и авторитетного буддийского духовенства), торговые и семейные отношения, сферу преступлений и наказаний и проч. Правда, большинство известных художников (а во второй половине века — и фотографов), даже оставивших записки о своем путешествии по Монголии, не уделили внимания политико-правовым аспектам, в лучшем случае описав некоторые детали бытовой жизни монголов¹⁶. Едва ли не единственное исключение среди них составляет врач и художник П.Я. Пясецкий, который по итогам экспедиции описал даже особенности частнопроводных отношений между монголами и китайцами.

С первой половины XIX в. (вероятно, в связи с появлением в Сибири ссыльных декабристов) среди исследователей Монголии начинает формироваться своеобразное «либерально-демократическое направление», представители которого в большей степени сосредотачивались на изучении социально-экономического положения населе-

пу лиц (дипломатов, военных и гражданских чиновников, ученых и торговцев), знакомство которых с монголами ограничивалось посещением Кяхты и ее китайско-монгольской части — Маймачена.

¹⁶ См., напр.: *Иванов Д.В.* Первые фотографии, сделанные в Монголии русскими путешественниками // СНВ. 2014. Вып. XXXV. С. 170–186; *Шинковой А.И.* Материалы к исследованию Монголии, собранные учеными-путешественниками в последней четверти XIX века, дополненные списком фотографий Н.А. Чарушина из собрания иркутского областного краеведческого музея, а также архивными документами из собрания государственного архива Иркутской области // Россия и Монголия в начале XX века: дипломатия, экономика, наука. Кн. 3. Ч. 1: Статьи участников 3-й Междунар. науч.-практич. конф. Иркутск; Улан-Батор: Изд-во БГУЭП, 2014. С. 367–378; Первый фотограф Лхасы: публикация дневника О. Норзунова «Три поездки в Лхасу (1898–1901)» / пер. Д.К. Ворониной; коммент. Б.Л. Митруева // *Oriental Studies*. 2018. Т. 40. № 6. С. 36–72.

ния этой страны и, естественно, довольно сурово критиковали существующие отношения¹⁷. Позднее их преемники (в частности, авторы «Кяхтинского листка» Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев и др.) в своих записках о Монголии осуждали также и действия российских представителей дипломатических и торговых кругов в отношении простых монголов.

Уже с начала XIX в. значительный вклад в монголоведение стали вносить представители, казалось бы, крайне далекой от подобного рода исследований сферы — участники духовных миссий, с середины XVIII в. регулярно работавших в Пекине и на территории империи Цин в целом. А примерно столетием позже российское духовное ведомство стало рассматривать и возможность постоянного миссионерского присутствия также непосредственно на территории Монголии¹⁸. Наряду с выдающимися трудами Н.Я. Бичурина (о. Иакинфа) и П.И. Кафарова (о. Палладия) интересные наблюдения касательно государственности и права Монголии оставили, в частности, священники И. Никольский и Я.П. Дуброва. Помимо вопросов политического устройства, системы налогов и сборов их по понятным причинам интересовали такие вопросы, как статус буддийского духовенства, семейные отношения и т.п. Также стоит отметить, что авторы интереснейших записок о путешествиях по Монголии (также включающих сведения политико-правового характера) А.В. Игумнов, Е.Ф. Тимковский, М.В. Ладыженский, Е.П. Ковалевский, В.П. Васильев получили возможность побывать

¹⁷ См. подробнее: *Даревская Е.М.* Декабристы в Сибири и соседние страны Востока — Китай и Монголия. Иркутск: Изд-во Иркутского музея декабристов, 2007; *Чуковская Л.* Декабристы — исследователи Сибири. М.: Географгиз, 1951.

¹⁸ См. подробнее: *Корниенко Н.Н.* Миссионерская деятельность русской православной церкви в Монголии (вторая половина XIX — 2010-е годы): дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2018. См. также: *Лысенко Ю.А., Ян Цуйхун.* Обзор миссионерской деятельности Пекинской духовной миссии (вторая половина XIX — начало XX века) // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Сер. История, филология. 2019. Т. 18. № 8. История. С. 61–62. Впрочем, уже М.М. Сперанский, будучи сибирским генерал-губернатором, рассматривал возможность активизации миссионерской деятельности в Монголии через Кяхту, о чем еще в феврале 1820 г. писал министру народного просвещения князю А.Н. Голицыну, см.: В память графа Михаила Михайловича Сперанского. 1772–1872. СПб.: Изд. Императорской публичной библиотеки, 1872. С. 287–288.

в Монголии именно в качестве сопровождающих православных духовных миссий в Пекин¹⁹.

Вторая половина XIX — начало XX в. стали эпохой массового посещения Монголии русскими военными исследователями и предпринимателями. Их экспедиции явились результатом существенного изменения политической ситуации в монгольских владениях, которые, с одной стороны, в результате кризиса власти и управления в империи Цин приобрели большую самостоятельность во внешнеполитической сфере (в том числе и в экономической); с другой стороны, российские власти также стали рассматривать возможности установления контроля над Монголией — вплоть до ее военного завоевания²⁰. Наряду с ними продолжали бывать в Монголии (специально и по пути в Китай) дипломаты и ученые²¹.

В ряде случаев весьма затруднительно провести четкую границу между экспедициями научного, военного и торгового значения. Во-первых, практически все они включали представителей военного ведомства, которые придавались и ученым, и торговцам как для охраны, так и для получения данных, интересующих военное ведомство Российской империи. Так, например, в состав научной экспедиции Г.Н. Потанина 1879—1880 гг. входила группа военных топографов во главе с капитаном П.Д. Орловым, а торговую экспедицию в Монголию 1910 г. возглавлял полковник В.Л. Попов. Во-вторых, ряд экспедиций, получивших важные научные результаты в области географии, геологии, биологии и проч., направлялся не только Императорским Русским географическим общест-

¹⁹ См., в частности: *Мароши В.В.* «Записки...» о. Иакинфа Бичурина и Е.Ф. Тимковского как первые травелоги русских путешественников о Монголии // *Русский травелог XVIII—XX веков* / под ред. Т.И. Печерской. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2015. С. 48—70.

²⁰ См.: *Старцев А.В.* Российско-монгольские торгово-экономические отношения во второй половине XIX — начале XX в. Барнаул: Изд-во АГУ, 2013. С. 71 и след.

²¹ При этом наряду с учеными-исследователями в Монголии стали появляться и практики — в частности, представители медицины и ветеринарии, см. подробнее: *Филин С.А.* Формирование европейских систем здравоохранения и ветеринарии в Монголии в XIX—XX веках // *История медицины*. 2017. Т. 4. № 1. С. 53—55. Некоторые из них (например, П.Я. Пясецкий и Н.И. Дамаскин) оставили записки, содержащие интересующие нас сведения.

вом²², но и Главным штабом — среди руководителей таких экспедиций были выдающиеся военные исследователи-монголоеды Н.П. Пржевальский, М.В. Певцов, П.К. Козлов и др.²³ При этом не только они, но и «военные востоковеды», гораздо менее известные широкой публике, в рамках своих командировок уделяли значительное внимание помимо исключительно военных аспектов (топографии, коммуникации и проч.), и более широкому кругу вопросов, связанных с политической ситуацией в Монголии, отношениями среди ее населения и т.д. В ряде случаев формальное поручение, данное военному специалисту, не всегда подразумевало исключительно его исполнение, что также находило отражение в записках. Например, П.Ф. Унтербергер, направленный в 1872 г. в Ургу для постройки госпиталя при российском консульстве, фактически провел исследование о возможностях возведения укреплений, инфраструктуры для размещения войск и затратах на их строительство. Соответственно, в их записках также содержатся весьма ценные личные наблюдения и сведения, полученные от информаторов, о состоянии власти и управления и правовом регулировании различных сфер правоотношений в стране в условиях существенного ослабления цинского сюзеренитета²⁴.

²² С начала XX в. ученых в Монголию стал также командировать Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии, созданный в 1903 г., см.: *Полянская О.Н.* Монголоведные направления в исследованиях Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии // Вестник Бурятского гос. ун-та. 2013. Вып. 7. История. С. 123–130.

²³ См.: *Андреев А.И.* Русские экспедиции в Центральную Азию: организация и снаряжение (1870–1920-е годы) // Россия и Китай: научные и культурные связи (по материалам архивных, рукописных, книжных и музейных фондов). СПб.: БАН; Альфарет, 2012. Вып. 2. С. 20; *Бойкова Е.В.* Российские военные исследователи Монголии (вторая половина XIX — начало XX века). М.: ИВ РАН, 2014. С. 11–12.

²⁴ «Разведочный» характер изучения Монголии российскими военными подтверждается фактом включения их записок в «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии» — издание, выходявшее в 1886–1914 гг. под грифом «Секретно» и предназначавшееся «для служебного пользования высшего начальства, а также лиц, служащих в Азии или специально занимающихся ею». Это неудивительно, поскольку такие отчеты военных, посетивших Монголию, содержали вполне четкие предложения по организации «следования и продвижения армии» по ее территории в случае войны с империей Цин.

Среди представителей предпринимательских кругов, активно посещавших Монголию на рубеже XIX–XX вв., также было немало тех, кто не ограничивался исследованием исключительно перспектив сбыта русских товаров монголам и приобретения местной продукции для торговли в России. Вполне объяснимо, что торговцев и промышленников интересовали, в частности, такие вопросы правового характера, как система налогов, сборов и повинностей, регулирование торговой деятельности, привлечение к ответственности за неисполнение договоров. Тем не менее, как и военные исследователи, многие из русских торговцев в Монголии не ограничивались сбором узко профессиональной информации и уделяли внимание также более широкому кругу вопросов политико-правового характера. Более того, среди предпринимателей было немало лиц, сотрудничавших с российскими научными обществами — можно назвать, например, М.Д. Бутина и А.И. Воробьева, активно взаимодействовавших с Восточно-Сибирским отделом Императорского Русского географического общества²⁵.

Вероятно, именно поэтому материалы ряда военных исследователей Монголии (в отличие от открыто публиковавшихся трудов Н.М. Пржевальского, М.В. Певцова, П.К. Козлова и др., также являвшихся офицерами российской армии) до сих пор остаются сравнительно малоизвестными. Лишь в последнее время к материалам «Сборника» стали обращаться специалисты-монголоеды, отмечая ценность и важность информации военных исследователей (а чаще всего — русских разведчиков) о Монголии, ее политическом устройстве, экономическом состоянии, этнографических особенностях и т.д., см., в частности: *Кузьмин Ю.В.* Экспедиции российских военных в Монголию и Китай в начале XX в. // Человек и природа в истории России XVII–XXI веков: Вторые Шаповские чтения. Материалы Всероссийской науч.-практич. конф. (8 октября 2002 г., Иркутск). Иркутск: Отгиск, 2002. С. 100–105; *Бойкова Е.В.* Российские военные исследователи Монголии... С. 10–12, 122–134. Однако насколько нам известно, их записки до сих пор не привлекали внимания как источник о монгольских правовых реалиях — вероятно, в силу того, что специальной задачи изучения монгольского права перед военными исследователями не ставилось, и их юридические сведения носят лапидарный характер.

²⁵ См. подробнее: *Единархова Н.* Монголия и монголы в изданиях Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества (1860–1880-е годы) // Вестник Евразии. 2000. № 3. С. 138–153; *Арсеньева Л.Г.* Деятельность Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества по изучению истории монгольских народов (середина XIX — первая четверть XX вв.): дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2015. С. 71–72, 76. См. также: *Старцев А.В.* Участие российских предпринимателей в изучении Монголии во второй половине

А еще один выходец из торговых кругов, А.В. Бурдуков, поначалу лишь взаимодействовавший с научным сообществом, со временем сам стал признанным ученым-монголоведом.

Возможно, в качестве особой категории путешественников следует выделить представителей самих же монгольских народов, побывавших в Монголии в рассматриваемый период²⁶. Наиболее известны среди них ученые-монголоеды А. Доржиев, П.А. Бадмаев, Г.Ц. Цыбиков, Ц.Ж. Жамцарано, Б. Барадийн²⁷, а также первый фотограф, побывавший в Тибете, О. Норзунов, чьи записки содержат весьма глубокие наблюдения о разных сторонах жизни монголов²⁸, которые они могли описать как бы «изнутри», с точки зрения самих монголов — кочевников и буддистов. Гораздо меньше известна роль в организации и осуществлении путешествий других представителей бурятского народа — офицеров, переводчиков и казаков-охранников²⁹: они никаких записок не оставили и на предмет информации по возвращении, как правило, не опрашивались. Тем не менее во многом именно благодаря им авторы записок из числа дипломатов, ученых, торговцев, разведчиков имели возможность передвигаться по Монголии, избегать опасностей, а главное — вступать в контакты с местным

XIX — начале XX в. // VII Востоковедческие чтения памяти С.Г. Лившица. Статьи и материалы междунар. науч.-практич. конф. (16 ноября 2012 г., Барнаул). Барнаул: Алтайская гос. пед. академия, 2012. С. 20–24.

²⁶ См. подробнее: *Гармаев Ж.А.* Изучение истории и культуры Монголии и Тибета бурятскими учеными-путешественниками (кон. XIX — нач. XX вв.): дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2005.

²⁷ Его записки до сих пор не опубликованы, см.: *Барадийн Б.* Амдо, Монголия. Дневник путешествия буддийского паломника-бурята по Халха-Монголии Алашани и северо-восточной окраине Тибета — Амдо, 1905–1907 гг. // Архив востоковедов ИВР РАН. Ф. 87. Оп. 1. Д. 29, 31.

²⁸ Правда, в записках некоторых из перечисленных бурятских исследований мы, к сожалению, не находим сведений о государственном и правовом развитии Монголии.

²⁹ См., напр.: *Полянская О.Н.* Забайкальские казаки Д. Иринчинов, П. Телешов, П. Чебаев — участники российских Центрально-Азиатских экспедиций второй половины XIX — начала XX в. // Буддийская культура: история, источниковедение, языковедение и искусство. Четвертые Доржиевские чтения «Буддизм и современный мир». Материалы конф. (3–10 августа 2010 г., Ольхон, Иркутская область — Агинское — Национальный парк «Алханай», Агинский Бурятский округ Забайкальского края). СПб.: Нестор-История, 2011. С. 100–108.

населением и получать от него информацию, в том числе политического и правового характера.

Вполне можно согласиться с мнением, что путешественники по Центральной Азии в XVIII и особенно в XIX в. являлись своего рода «прокладчиками путей» для последующих завоевателей посещенных ими территорий³⁰. Причем если поначалу такое завоевание воспринималось в буквальном, т.е. в военном смысле, то на рубеже XIX—XX вв. милитаристские планы сменяются экономическими. Соответственно, в этот период в Монголии появляется все больше и больше предпринимателей — торговцев и промышленников. При этом в некоторых случаях пребывающие в стране иностранцы даже меняли свое социальное положение — например, приезжая изначально как миссионеры, они превращались в бизнесменов (наиболее яркий пример такой трансформации — швед Ф.А. Ларсон). Таким образом, интерес к монгольской государственности и праву уже объясняется не столько дипломатическими, сколько чисто прагматическими целями: путешественников интересовало, насколько местные власти и законы могли поспособствовать (или воспрепятствовать) развитию их предприятий в Монголии.

Однако вряд ли следует абсолютизировать эту тенденцию применительно к Российской империи начала XX в.: в ее правительственных кругах были весьма сильны экспансионистские тенденции в отношении Монголии (равно как и Маньчжурии). Имея установку на установление российского влияния в регионе и исходя из «несправедливости» существующих российско-китайских границ, путешественники (большей частью военные разведчики) обращались к вопросам государственности и права опять же с вполне определенной целью — насколько местные власти и местные правоотношения позволяли распространить российский контроль над регионом, изменить границы и проч.³¹

Безусловно, непосредственное изучение основ государственности и особенно права монголов не входило в задачу путешествен-

³⁰ См.: Пономарев Е. Постколониальная теория и литература путешествий // Новое литературное обозрение. 2020. № 1. С. 358–359.

³¹ См., напр.: Кузьмин Ю.В., Суходолов А.П., Рачков М.П. Военное монголоведение России на рубеже XIX—XX веков // Известия Иркутской гос. эконом. академии. 2016. Т. 26. № 3. С. 368–369.

ников³². Однако представители всех вышеописанных категорий и групп путешественников, кто — в силу профессиональных интересов, кто — из личной любознательности, в той или иной степени обращали внимание на особенности государственного и правового развития Монголии: и независимых ханств, и вассальных государств в составе империи Цин. Соответственно, их сведения являются весьма ценным дополнением к известным нам источникам монгольского традиционного права и актам правоприменительной практики, о которых мы упоминали в начале главы.

Отдельно охарактеризуем западных путешественников, посетивших Монголию в рассматриваемый период и зафиксировавших информацию о ее государственном и правовом развитии на разных этапах истории Монголии в рамках рассматриваемого периода.

Сразу стоит отметить, что выходцы из европейских государств (и тем более из США) стали активно интересоваться Монголией намного позднее, чем российские путешественники³³. Англичанин Ч.У. Кемпбелл, посетивший страну в 1902 г., привел весьма четкую, как представляется, причину отсутствия интереса к этому региону среди его соотечественников: «Монголия не привлекает значительного внимания англичан. И я этому не удивляюсь. Она мало или совсем непривлекательна для туристов. Нет живописных пейзажей или возможностей для спорта. Монгольская жизнь проста и не так уж хороша, и единственные предметы интереса — археологические находки, непривлекательные по форме и трудно достижимые»³⁴. И если такое отношение к ней у европейцев было в начале XX в., не приходится удивляться, что в более ранние периоды Монголия привлекала еще меньше внимания с их стороны.

Вероятно, жителям Европы пришлось пережить «культурный шок» в результате распада в середине XIV в. Монгольской империи, благодаря которой были налажены постоянные связи между Европой

³² Весьма характерно, что исследователи традиционного монгольского права, изучавшие его в XIX — начале XX в. (т.е. в тот период, когда оно применялось на практике), сами в Монголии не бывали — например, Ф.И. Леонтович, К.Ф. Голстунский, Я.И. Гурлянд.

³³ См. подробнее: *Гольман М.И.* Изучение истории Монголии на Западе. XIII—XX вв. М.: Наука, 1988. С. 47—51.

³⁴ *Campbell C.W.* Journeys in Mongolia // *The Geographical Journal.* 1903. Vol. 22. No. 5. P. 485.

и Азией, включая собственно Монголию и Китай. Изначально, во время нашествия на Европу в 1230—1240-е годы, монголов восприняли как «выходцев из ада», но со временем европейцы не только регулярно приезжали в страны Восточной Азии, но и жили при дворе монгольских властителей, достигая высоких государственных постов. Распад, а затем и крушение империи Юань в 1350—1360-е годы прервал эту практику на целых несколько столетий. На смену реальным знаниям о могущественной восточной империи, полученным от посетивших ее путешественников, приходят основанные на слухах и мифах представления о некоей «Великой Тартарии», которые мало чем отличаются от вышеупомянутых представлений о «выходцах из ада». Изменяется эта ситуация лишь к концу XVII в.³⁵, когда Монголия становится вассалом империи Цин, и туда начинают время от времени приезжать европейцы, посещавшие к этому времени Китай³⁶.

Первыми европейскими путешественниками, оказавшимися в Монголии, стали представители ордена иезуитов — Т. Перейра и Ф. Жербийон, выступившие переводчиками и «консультантами» в русско-китайских переговорах, завершившихся подписанием Нерчинского договора 1689 г. Именно они первыми из европейцев охарактеризовали вассалитет монголов в отношении императора Цин³⁷.

³⁵ См.: *Phillips K.M.* Before Orientalism: Asian Peoples and Cultures in European Travel Writing, 1245–1510. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2014. P. 7.

³⁶ Единственное исключение — это некий неизвестный путешественник, побывавший в Сибири и Западной Монголии в 1660-х годах. Высыкавалось предположение, что это — датский посол Фридрих фон Габель, однако он находился в России в 1676–1678 гг., т.е. десятилетием позже, см.: *Алексеев М.П.* Неизвестное описание путешествия в Сибирь иностранца в XVII в. // Исторический архив. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. Вып. I. С. 98. Несмотря на краткость сведений о монголах в записках этого автора, представляется, что он до некоторой степени «задал тон» для последующих западных путешественников, которые и в более поздние периоды обращали внимание на указанные аспекты политико-правовой жизни монголов.

³⁷ Несомненно, включение в состав маньчжурского посольства представителей католического духовенства следует связывать с существенным возрастанием влияния европейских миссионеров при дворе императора Канси в 1680-е годы, см.: *Fu Lo-shu.* Sino-Western Relations during the K'ang-Hsi Period, 1661–1722. Ph.D. Diss. Chicago: The University of Chicago, 1952. P. 287–291.

В XVIII в. мы практически не находим европейцев, записки которых представляли бы интерес как источник сведений о государственности и праве Монголии. Как нами уже отмечалось, большинство иностранцев в этот период побывали в Монголии в составе российских посольств или научных экспедиций и, соответственно, находились на российской службе. Вместе с тем следует, конечно, принимать во внимание особенности восприятия ими монгольских реалий, в ряде случаев существенно отличавшихся от оценок тех же реалий их коллегами русского происхождения. В следующих главах будут выявлены подобные отличия.

В силу различных причин ряд иностранцев (как и русских) оказывались в монгольских землях и даже проводили там немало времени, однако так и не оставили собственных записок — о них и их наблюдениях известно в лучшем случае по отчетам представителей имперских структур, с которыми они взаимодействовали по возвращении. Естественно, ни о какой полноте сведений (тем более касающихся государственности и права монголов) говорить в таких случаях не приходится. Наиболее ярким примером тому является известный швед Йохан Густав Ренат, оказавшийся в плену сначала в России, а затем (будучи отправлен в Tobольск) у ойратов, и пробывший у них 17 лет (1716—1733). Став приближенным джунгарских правителей, которым он организовал производство оружия (в том числе артиллерии), достиг высокого положения в ханстве, скопил богатства, после чего вернулся в Россию с посольством Л.Д. Угримова. Ни в России, ни в Швеции, куда он вернулся в 1734 г., он не оставил никаких воспоминаний о своем пребывании в Джунгарском ханстве и остался в истории географических открытий только как автор первой подробной карты Джунгарии и Восточного Туркестана³⁸. Лишь его жена Бри-

³⁸ И.Г. Ренату, и особенно составленной им карте Джунгарии, посвящена обширная библиография, см., напр.: *Макшеев А.* Карта Джунгарии, составленная шведом Ренатом во время его плена у калмыков с 1716 по 1733 год. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1881; *Моисеев В.А.* В джунгарском плену // Вопросы истории. 1977. № 6. С. 209—212; *Бородаев В.Б., Контев А.В.* Шведский артиллерист И.Г. Ренат и его ойратские карты // Түүхийн товчоон. Улаанбаатар, 2010. Т. V. С. 386—403; *Контев А.В., Бородаев В.Б.* Верхнее Обь-Иртышье на ойратской карте Джунгарии первой трети XVIII века // Социально-экономические и этнокультурные процессы в Верхнем Прииртышье в XVII—XX веках. Сб.материалов междунар. науч. конф. Новосибирск: Параллель, 2011. С. 5—11; *Волбу-*

гитта, с которой он встретился в плену (официально они обвенчались в Москве), коротко рассказала супруге английского посла в России Д.У. Рондо о своих злоключениях (преимущественно о сексуальных домогательствах ойратских воинов, захвативших ее в плен) и статусе своего мужа в Джунгарском ханстве, о чем та отписала в Англию в одном из своих писем³⁹. Никаких других сведений о пребывании в Джунгарии супруги не оставили.

Аналогична ситуация с путешествиями европейцев в Монголию и в XIX в.: как правило, это участники российских посольств в Китай, причем даже не всегда попадавшие непосредственно на территорию Монголии. Например, впоследствии всемирно признанный востоковед Г.Ю. Клапрот, включенный в состав посольства графа Ю.А. Головкина, по его приказу остался в российских владениях для исследований, получив возможность побывать лишь в Кяхте — пограничном городе, в котором активно взаимодействовали русские, китайские и монгольские пограничные чиновники и торговцы. Даже посещение этого города позволило ему составить весьма яркий очерк, в котором в том числе нашли отражения и некоторые особенности административного устройства монголов, взаимоотношения монголов и китайцев и т.д.⁴⁰ Остается только предполагать, какие ценные наблюдения он мог бы отразить в своих записках и последующих научных трудах, если бы вместе с посольством добрался хотя бы до Урги (на посещении которой дипломатическая миссия графа Головкина, как известно, и завершилась)⁴¹.

В 1830—1860-е годы в Монголии появляются уже первые европейцы, которые действуют самостоятельно, а не выполняют пору-

ев В.И. Карта Джунгарского государства в 1738 г. И.Г. Рената как историко-географический источник / науч. ред. Д.Д. Васильев; отв. ред. В.В. Досовицкая. М.: Пробел-2000.

³⁹ Письма леди Рондо, жены английского резидента при русском дворе в царствование императрицы Анны Иоанновны / пер. с англ. под ред. С.Н. Шубинского. СПб.: Типография Скарятина, 1874. Письмо XX. С. 77—79. См. также: *Макшеев А.* Карта Джунгарии, составленная... С. 4—5.

⁴⁰ См.: Кяхта — Маймачен. Прообразы свободных экономических зон в Российской империи: история, современность, перспективы / отв. ред. Л.Б. Жабаева. Улан-Удэ: БГСХА, 2014. С. 57—63.

⁴¹ См. также: *Вагин В.И.* Посольство графа Головкина в Китай в 1805 г. // Известия СОИРГО. 1872. Ч. 3. № 4. С. 179.

чения российских или цинских властей. В первую очередь это были, конечно же, миссионеры, чья деятельность с переменным успехом продолжалась и в последующие десятилетия вплоть до начала XX в. Среди них были представители разных национальностей — французы (Э.Р. Гюк, Ж. Габэ, А. Давид), англичане (Д. Шипшэнкс, Дж. Гилмор, Д. Хедли), шведы (Ф.А. Ларсон), американцы (Д.Х. Робертс) и др. Всех авторов записок, относящихся к христианскому духовенству, объединяет одно: они не были твердолобыми фанатиками, рьяно стремившимися насадить христианство и отменявшими все чуждые им явления жизни обращаемых «язычников». Напротив, большинство из них старались увидеть и понять основы жизни монгольского общества, государственности, права и религии — ведь эта информация могла им помочь в достижении поставленных целей. Именно поэтому наряду с описанием чисто религиозных реалий монголов в записках миссионеров также есть сведения об отношениях монгольских правителей с маньчжурскими властями, их внутренней политике, системе налогов и сборов, торговых отношениях, состоянии военного дела и системы коммуникаций, вопросах семейного и даже уголовного права, суда и системы наказаний. Безусловно, будучи миссионерами, эти авторы не могли говорить о монгольской религии и положении буддийского духовенства без осуждения. А являясь европейцами, они также весьма негативно оценивали «дикость и жестокость», присутствующие в ряде сфер отношений монголов. Но, оставляя в стороне их субъективные оценки, нельзя игнорировать их практические наблюдения в политико-правовой сфере, тем более что многие из их сведений совпадают с информацией других путешественников (как российских, так и западных), в том числе и не относившихся к духовному сословию.

Изменение политической ситуации в империи Цин во второй половине XIX в., приведшее к расширению автономии Северной Монголии (Халхи), как уже отмечалось, стало причиной появления в монгольских владениях большого числа российских военных исследователей и предпринимателей. От них не отставали и их западные коллеги, которые хотя в гораздо меньшем количестве, но с теми же целями приезжали в Монголию и фиксировали свои наблюдения в дневниках или последующих публикациях.

Целью военных исследователей, равно как и дипломатов из Великобритании, было не столько выяснение возможностей укрепить в

Монголии собственные позиции, сколько подорвать позиции и, соответственно, влияние в этом регионе России. Именно с такими целями оказывались в монгольских землях британский консул в Китае Ч.У. Кемпбелл, офицер Н. Элиас, осуществлявший якобы научную экспедицию, Г.Дж.К. Суэйн, вообще явившийся в Монголию под предлогом охотничьего тура, и П.Т. Эвертон якобы намеревавшийся заняться там «спортом». Тем не менее для достижения этой цели они собирали информацию о самых разных сторонах жизни монголов, включая и интересующие нас сведения о государственности и праве.

Представители европейских и американских предпринимательских кругов, начавшие приезжать в Монголию с 1860-х годов, в большей степени, как и их российские конкуренты, сосредоточивались на изучении возможностей экономической деятельности в Монголии. Однако они точно так же обращали при этом внимание на наличие или отсутствие административных барьеров к ведению торговли или развитию промышленности, систему налогов и сборов, поддержание путей сообщения, состояние преступности среди монголов и проч. В этом отношении их информация, несомненно, представляет большой интерес на предмет сравнения со сведениями представителей российских предпринимательских кругов.

Среди западных путешественников, побывавших в Монголии во второй половине XIX — начале XX в., можно выделить весьма специфическую группу в сравнении с их российскими современниками. Речь идет о туристических поездках в монгольские земли. В самом деле, среди отечественных путешественников, побывавших в Монголии с подобной целью (и оставивших записки), можно назвать, пожалуй, не более двух-трех человек: князь К.А. Вяземский, Е.П. Демидов (князь Сан-Донато) и А.П. Беннигсен.

Европейцев же, отправлявшихся в Монголию для собственно-го удовольствия и удовлетворения своего любопытства или жажды опасностей и при этом не поленившихся описать свои впечатления, оказывается гораздо больше. Помимо вышеупомянутых британских офицеров Суэйна и Эвертона, а также консула Кемпбелла, которые под видом туристов осуществляли разведывательную деятельность, среди таковых можно назвать англичан А. Мичи и У.Д. Гарнетта, французов В. Меньяна и Р. де Баца, шотландку К.Ф. де Бурбулон (супругу французского посла в Китае), американку Э. Кендалл. Записки этой категории путешественников, конечно же, отличает акцентиро-

вание внимания на экзотике и опасностях путешествия (истинных или мнимых). При этом, наряду со сведениями, присутствующими и у других авторов, в них могут встретиться весьма любопытные детали, дополняющие наши представления об особенностях государственно-го и правового развития Монголии на том или ином этапе ее истории в рамках исследуемого периода.

В отличие от российских путешественников, среди их западных коллег было весьма немного тех, кто посещал Монголию именно с научными экспедициями. Пожалуй, формально таковым являлся только швед С. Гедин, и то побывавший в Монголии в этот период весьма кратко, по пути из Восточного Туркестана⁴². Тем не менее ряд лиц, формально относившихся к другим профессиям и занятиям, впоследствии зарекомендовали себя именно как монголоеды, оставившие значительный след в изучении географии, истории, филологии, флоры, фауны, религии и т.д. Это относится, в частности, к вышеупомянутым французским миссионерам Гюку⁴³, Габе и Давиду, а также к американскому дипломату У.В. Рокхиллу.

Итак, мы могли убедиться, что круг путешественников, побывавших в Монголии в XVII — начале XX в. был весьма широк и раз-

⁴² Американец Дж. Кертин, известный исследователь истории и этнографии монголов последней четверти XIX — начала XX в., побывал лишь в Сибири, и единственными «монголами», с которыми ему приходилось взаимодействовать, таким образом, были русскоподданные буряты. Тем не менее он опубликовал целую серию работ, посвященных этнографии и истории собственно монголов, см.: *Curtin J. The Mongols. A History.* Boston: Little, Brown and Co., 1908; *Idem. The Mongols in Russia.* Boston: Little, Brown and Co., 1908; *Idem. A Journey in Southern Siberia. The Mongols, Their Religion and Their Myths.* Boston. Litte, Brown and Co., 1909. Мы никоим образом не намерены умалять его заслуг в монголоведении, однако его труды не могут быть использованы нами в рамках настоящего исследования в качестве записок путешественника.

⁴³ Впрочем, уже младшие современники некоторых таких авторов высказывали довольно резкие замечания по поводу достоверности их записок. Весьма красноречивым представляется, в частности, отзыв П.А. Ровинского относительно записок французских путешественников по Монголии — К.Ф. де Бурбулон и ее супруга («Как же могли они так налгать?») и Э.Р. Гюка: «В путешествии Гюка (мы имеем в виду ту часть его, где он говорит о Монголии, виденной нами самими) столько лжи самой несообразной, что оно является просто сочинением, написанным на заданную тему, как теперь пишутся сочинения Майн-Рида и Верна», см.: *Ровинский П.А. Мои странствования по Монголии // Вестник Европы. 1874. № 7. С. 253—254.*

нообразен по национальной и социальной принадлежности, сфере занятий и целям поездок. Безусловно, интересующие нас сведения о государственности и праве монголов, содержащиеся в их записках и сообщениях, далеко не равноценны: у одних встречаются лишь краткие упоминания о каком-то конкретном правовом аспекте монгольской жизни, другие достаточно подробно описывают различные сферы властных и правовых отношений. Тем не менее мы не вправе игнорировать даже самые краткие и лапидарные сведения, поскольку в сочетании с другой информацией они также представляют интерес для исследователя политических и правовых реалий Монголии рассматриваемого периода⁴⁴.

⁴⁴ Следует принимать во внимание, что многие авторы, побывавшие в Монголии, не только излагали собственные впечатления, но и использовали записки своих предшественников (среди них — Е.П. Ковалевский, М.Д. и Н.Д. Бутины, Д. Хедли, М.П. Прайс, Д.Х. Робертс и др.). Тем не менее в них, как представляется, можно вполне четко разграничить авторскую и заимствованную информацию. Исключение составляют записки некоторых авторов, которые посетили Монголию и, несомненно, имели возможность наблюдать властные и правовые отношения, а также повседневную жизнь ее населения, однако в своих записях по итогам путешествий они опираются на столь обширную исследовательскую базу, что практически не выделяют сведения, полученные во время поездок по стране. Наиболее ярким примером подобного подхода являются обширные труды известного российского географа Г.Е. Грумм-Гржимайло и британского автора Д. Каррутерса: *Грумм-Гржимайло Г.Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 1. СПб.: Б.и., 1914; Там же. Т. 2–3. Л.: Изд. Ученого комитета МНР, 1926; *Carruthers D.* Unknown Mongolia: A Record of Travel and Exploration in North-West Mongolia and Dzungaria. Vol. I–II. Philadelphia; London, 1914 (рус. пер.: *Каррутерс Д.* Неведомая Монголия. Т. I–II: Урянхайский край / пер. с англ. Н.В. Турчанинова. Пг.: Изд. Переселенческого управления, 1914).